

Т. Г. Пантелеева (*Ижевск*)

Язык малой прозы Олега Четкарева

Олег Геннадьевич Четкарев хорошо известен как удмуртскому, так и русскому читателю. Он многожанровый писатель, создающий очерки, рассказы, повести и др. Его произведения отличаются актуальностью, злободневностью, в них писатель поднимает нравственные проблемы современности. Прежде всего он пытается проникнуть в глубины человеческого сознания и понять, что заставляет одного человека стать достойной личностью, а другого – духовно деградировать.

На наш взгляд, проблема нравственного выбора является одной из наиболее значимых в творчестве писателя. Этой теме посвящены рассказы "Йӧ выль тэтчон" (1989) ("Крещение – грехам отпущение", в переводе на русский язык – повесть, 1993), "Воргоронгӧс" ("Мужики", 1989, 1993), "Учы вай" ("Соловьиная ветвь", 1989, 1993), "Ӗеч адыми" ("Хороший человек", 2000), "Быръён" ("Выбор", 2002) и др. Следует отметить, анализ этих произведений показывает, что малая проза О. Четкарева насыщена колоритными образами.

Это и Кирилл Кашков ("Крещение – грехам отпущение"), Душкин и Павел Тимофеевич Рошаев ("Выбор"), и деревенские мужики ("Мужики"), и многие другие. Всех их объединяет то, что им постоянно приходится выбирать между злом и добром. И однажды смалодушничав, как Кирилл Кашков, человек продолжает скользить по накатанной колее вниз. Кирилл выбрал жизнь обеспеченную, но несправедливую. Он не старается искупить свою вину честным трудом, а напротив – продолжает цепь противозаконных действий: на работе помогает начальнику расхищать народное добро, а затем и сам пристрастился воровать (то краску утащит со стройки, то цемент продаст "налево", то утаит бензин, то – ручки от дверей). Кирилл умел жить, "вертелся как мог", ничем не брезговал. А начальство на работе его даже поощряло, ему выделили квартиру, на деньги, "добытые несправедливым трудом", купил машину. Внешне в жизни у Кашкова все благополучно. У него дом "полная чаша", прибыльная работа – водитель грузового транспорта на стройке, жена, сын. Но это только внешняя сторона жизни персонажа, в действительности жена – нелюбимая, сын – не родной, пасынок, богатство – ворованное. Не жизнь, а одна видимость, мираж. Как видим, автор создал психологически верный образ несуну, который шарахается от малейшего шороха, и впоследствии закономерно совершает на своей машине наезд на женщину и, скрываясь от преследований ГАИ, сам оказывается в полынне. Преступник получил по заслугам: "смерть за смерть", но автору этого оказалось мало, он своего персонажа лишает возможности даже после смерти обрести "место" на земле: после несчастного случая тело Кирилла не было найдено. Тем самым О. Четкарев как бы подчеркивает, что такие люди, как Кирилл Кашков, не должны жить, и даже после смерти они не имеют право обрести "последний покой". Кирилл и ему подобные сами выбрали свой путь в жизни. И как бы продолжая начатую тему в рассказе "Крещение – грехам отпущение", писатель в другом рассказе ("Выбор") устами главного героя Павла Тимофеевича Рошаева говорит: "*Быдэс улон – со бырьён. Кызы бырийд – сыче ик улд*" (Вся жизнь – это выбор. Как выберешь – так и проживешь...).

Следует особо подчеркнуть, что О. Четкарев психологически достоверно изображает своих персонажей. Ему в этом помогает знание родного языка, культуры, быта и нравов удмуртского народа. Важно, что раскрывая глубинные причины поведения персонажа, писатель привлекает сравнительные обороты, фразеологические единицы и другие средства художественной выразительности и тем самым делает образ более наглядным, ярким, впечатляющим. Не случайно, повествователь знакомит читателя с детскими годами Кирилла: мальчик рос в тяжелые послевоенные годы в материально обеспеченной семье, но в физическом развитии отставал от своих сверстников, и те его обижали. В результате он вырос озлобленным на весь мир: "*Озыы ик быдэ вуиз Кирло, возпотонзэ пушказ ватыса но ас понназ лекен малпаса: "Возьматом ай мон тйледлы, будйй ке..."*" (Так и вырос Кирилл, скрывая свою злость внутри и думая про себя злобно: "Покажу еще я вам, когда вырасту..."). Фразеологические сочетания *быдэ вуиз* (стал совершеннолетним), *возпотонзэ пушказ ватыса но ас понназ лекен малпаса* (скрывая свою злость внутри и думая про себя злобно) раскрывают внутренний комплекс ребенка. В свою

очередь отец, любя и жалея позднего ребенка, давал ему уроки жизни. Автор пишет: “Пантелей мог выжать масло даже из сухого угля” (“*Паньти угось кӧс эгырысь но вӧй пызыртыны быгатоз вал*”). Эти слова служат средством выражения характеристики героя. Образ конструируется через трансформацию изначально положительных черт характера в отрицательные. Так, деловитость, практичность перерастают в меркантильность и формируют такие негативные качества, как скупость, скопидомство, которые в результате вызывают неуважение к нему односельчан. Духовная энергия Пантелея направлена только в сторону наживы, обогащения, его талант не несет душевного тепла и уюта. Впоследствии эти способности передадутся сыну, но и его усилия и старания не принесут ему желаемого счастья.

Следует обратить внимание еще на одно фразеологическое выражение “*Бер чипы дуно луэ угось*” (Поздний цыпленок бывает дорогим). Оно полностью метафорично, метафора яркая, автор тем самым подчеркивает ценность позднего ребенка для престарелых родителей. Это помогает представить, как воспитывали, как лелеяли его родители.

Фразеологическое сращение “*кыдыз бертылэ*” дает возможность понять, что его мать состарилась, “впала в детство”, что ей свойственно неадекватное восприятие действительности.

Или: “*Озы ик улӱзы, жэуась гуре сюрем кык ыльыс тистӱс музэн чындыса*”. Желая обратить внимание на неполноценность бытия героев, сосредоточившихся на материальных основах жизни в ущерб духовным, пишет: “Так и прожили, как две головешки из сырого поленья, чадя”.

Использование О. Четкаревым фразеологических единиц отличается своеобразием: один и тот же фразеологизм употребляется в разных ситуациях по-разному, приобретая не просто новый смысл, но даже противоположное значение, например: “*Эх, шу, мултэс ваньбур но кисыез пась кароз вылэм...*” (Эх, что и говорить, лишнее добро, оказывается, карман дырявит). [Вместо: “*Нош мултэс коньдон кисыез пась уг кары*” (А лишние деньги карман не дырявят)]. Деньги лишними не бывают. Деньги карман не продырявят и т. д. Или: “*изысь но вӧй пызыртоз*” (из камня масло выжмет), “*кӧс эгырысь но вӧй пызыртоз*” (из сухого угля масло выжмет).

Повествователь, характеризуя персонажа, называет его “*пенькыли*” (недоросль), деревенский шофер насмехается: “*Кирло – пичи сюрло*” (Кирилл – маленький серп) и др. Таким образом, образ персонажа дополняется как авторскими характеристиками, так и замечаниями других героев повествования, как например, деревенского шофера.

Для достоверного раскрытия внутренних переживаний персонажа автор использует художественный прием персонифицирования (олицетворения). Например, он следующим образом раскрывает состояние героя, когда после аварии по просьбе отца Кирилла не осудили, он целых два года до армии ходил по деревне сам не свой: “*Кык ар чӧжже ветлӱз гуртэти синьӱссэ пьд азысьтыз жэутяны дӱсьтытэк, кык ар чӧжже улӱз кадъ адкисьтэм борддорьӱс сьӧрын. Адямиос доры матэктэ но, со борддорьӱс уг лэзӱ вазыны, кизз сӱтыса жечбурьяськыны <...> Ураметӱ ортылыкуз, бӧрсяз шыпырто. Укнослэн пияла синьӱссы но со шоры чӱшмырес учко*” (Целых два года ходил

по деревне, не смея поднять глаз от земли, целых два года будто жил за невидимыми стенами. Когда приближается к людям, эти стены не разрешают ему говорить, поздороваться, подавая руки. <...>. Когда проходит по деревне, вслед шепчутся. Даже оконные стекла смотрят косо на него). В данном примере стены и оконные стекла олицетворяют собой односельчан, они смотрят косо, запрещают говорить, здороваться. Или: “*Машина жэожтійськыса-жэожтійськыса тубиз эишо одйг бамалэ*” (Машина жалуясь-жалуясь поднялась еще на один пригорок). Или: “*Нош ик кужмо ыргетійз "ЗИЛ", кынмем дэри люкьёс вылтій тэтчаса*” (Снова злобно зарычал "ЗИЛ", подпрыгивая по замершим грязевым кочкам).

Наряду с художественными приемами олицетворения, сравнения, фразеологическими единицами, писатель также использует литоты (излишнее уменьшение чего-либо). В частности: “*Ужас вуыса, Рошаев жёк съёраз пуксиз но ужсамъяськыз, нош пельёсыз шырась кучыранлэн кадь сакто, коридорысь кутлэсь бизгетэмзэ но кылысалзы, дыр*” (Придя на работу, Рошаев сел за свой стол и притворился будто работает, а уши настрожены, как у охотящейся за мышами (мышкующей) совы, они, наверное, услышали бы надоедливое жужжание мухи в коридоре). В данном контексте фразеологическое выражение [“(уши – Т. П.), наверное, услышали бы надоедливое жужжание мухи в коридоре”] основано на литоте “жужжание мухи”, этот эпизод передает психологическое состояние героя, его напряженное ожидание, обострение слуха до предела – сидя в кабинете, мог услышать “жужжание мухи в коридоре”. Или: “*Аслыз сямен ик, Насьталы но улон шудзэ чечы пуньыен гинэ верьятэм*” (Как и ему, Насте жизнь дала счастье только на пробу из чайной ложки). В оригинале: “*чечы пуньы*” переводится буквально как ‘ложечка для меда’. Или: “*Киосыз мыно, изысь но вёй пызьыртыны быгатоз, вень пасеті майталтэк потыны дышиз бере, паньгатэм легковушкаез выль кадь кариз <...>*”. (Руки золотые, из камня масло сможет выжать, раз научился без мыла через игольное ушко пролезть, легковушку после аварии так отремонтировал, стала как новая). Фразеологическое выражение “пролезть через игольное ушко” образовано на основе литоты и означает высокую степень мастерства человека. В старину верили, что через игольное ушко могли пролезть только ведунны, колдуны, люди с особыми магическими способностями.

Еще один красноречивый пример: “*Пересьлэн юртэз-ерез шыр пыронтэм шыкыс выллем вылэм. Улыно-вылыно из корка...*” (Дом старика, словно сундук, куда даже мышка не пролезет. Двухэтажный кирпичный дом...). Данный фразеологизм подчеркивает мастерство строителя, хозяина жизни. Из мифологических устных рассказов удмуртов знаем, что покойники-колдуны “возвращаются” домой в образе мышки и могут отомстить обидчикам. А если у героя дом-крепость, куда мышка даже не сможет пролезть, то такой человек явно является хозяином жизни, ему никто и ничто не страшны в этом мире.

О. Четкарев также умело использует энантиосемию, внутреннюю антитезу, когда слово самому себе становится антонимом. Например: “*Пересь мурт сьёче “небыт” ваземьсь ноқыёче ик өз кариськы, азыло сямен ик пальпотьса*

юаз” (Старик не смутился такому “ласковому” обращению, как и раньше, улыбаясь, спросил). В данном контексте слово “ласково” употреблено в значении ‘грубо, резко’. Прямое лексическое значение слова раскрывается в контексте. Или: “*О-о, кыче куно лыктэм. Пыре, пыре, ёс кустын эн сълэ. <...>. Павел Тимофеевич капчиен лулзиськиз: “Я, табере ваньмыз валамон”. (О-о, какой гость пришел. Заходите, заходите, не стойте на пороге. <...>. Павел Тимофеевич облегченно вздохнул: “Да, теперь все понятно”)*. Слово “гость” в этом случае использовано в значении ‘враг’, и его смысл раскрывается в контексте произведения.

Важно отметить, что язык произведений О. Четкарева – народный язык. Он пишет так, как говорит удмуртский народ. Одной из особенностей устной речи удмуртов является то, что человек, собираясь сообщить неприятную или страшную весть, вначале обдумывает, как легче, мягче об этом сказать, какие иносказательные слова и выражения подобрать, чтобы новость предстала в более деликатной, менее резкой и грубой форме. Таким образом, субъект речи в своих высказываниях стремится избежать ненужных “острых углов”, прямолинейности, однозначности. Следовательно, речь персонажа обретает индивидуальные черты, слова становятся многозначными и ёмкими. Этому также способствует и то обстоятельство, что писатель часто употребляет вводные слова и конструкции. Например: “*Музьем, пе, бордаз кыске ини*” (Говорит, что земля уже к себе тянет, т. е. скоро умрет). Автор, как и простой народ, не пишет, что мать Кирилла скоро умрет, а использует косвенную форму, обходя такое страшное понятие, как ‘смерть’, что, естественно, воспринимается читателем как-то “мягче”, не так устрашающе грозно. Тот же смысл несет в себе и следующая фраза: “*Пиос азьвыл “гындылызы” ук*” (Парни раньше избивали же). Здесь слово “гындыны” употреблено в необычном значении, “избивать человека”, оно раньше использовалось только в значении ‘бить шерсть в шерстобитке’. Или: “*Замырьяны одъяз*”. “*Азьвыл чик юлыисьтэм мурт кебитысь бертыса замырьяны одъяз*” (Раньше совсем не пьющий человек, возвращаясь из кузницы, стал пригублять). Автор не пишет, что его персонаж стал пить, а употребил иносказательное фразеологическое единство “*замырьяны одъяз*” (стал пригублять, стал причащаться). А информация о злоупотребляющем алкоголем человеке воспринимается более нейтрально.

Что касается изображения тяжелого психологического состояния персонажа, то автор привлекает междометно-изобразительные слова типа: “*Ларк!*”, “*Зурк!*”, “*Жоггес!*” и др.

Анализ прозы О. Четкарева позволяет утверждать, что язык произведений удмуртского писателя имеет свои особенности: речь идет о емкости языкового содержания, четкости и ясности выражения мыслей. Каждое слово, выражение несет определенную нагрузку. Используя богатство родной речи, слова и словосочетания, фразеологические выражения, сравнительные и вводные конструкции, писатель тем самым сохранил их для будущего поколения и обогатил родной литературный язык.

Список литературы

- Четкарев О. Г.* Йӧ выльз тэтчон: Веросьёс, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1989. 224 с.
- Четкарев О. Г.* Крещение – грехам отпущение: Повести и рассказы / Перевод с удмуртского А. Демьянова. Ижевск: Удмуртия, 1993. 256 с.
- Четкарев О. Г.* Зеч адыми. Верос // Кенеш, 2000. № 4. С. 32–35.
- Четкарев О. Г.* Быръён. Верос // Кенеш, 2002. № 1. С. 49–60.